

НАТАЛИЯ ЭКОНОМЦЕВА

СИНДРОМ
РАСКРЫТОГО
СЕРДЦА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Э40

Редактор серии А. Гостюнина
Оформление серии Е. Куликовой

Издание подготовлено при участии
литературного агентства «Флоберיום»

В оформлении авантитула использована иллюстрация:
© AllaR15 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Экономцева, Наталия.

Э40 Синдром раскрытого сердца / Наталия Экономцева. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-179116-2

Купить эликсир удачи в лавке доктора Аюрведы. Отправить на починку недовольную жену. Обнаружить джинна в бутылке с вином и попросить его остаться с тобой навсегда...

Каждая история из этой книги – метафора наших желаний, страхов, идеальной любви, о которой мы мечтаем всю жизнь, и счастья, мимо которого проходим каждый день, не узнавая.

Наталия Экономцева — заместитель главного редактора журнала «Новый Очаг», лингвист, автор книг «Точка женщины», «Мастер иллюзий» и «Маленький Марс».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-179116-2

© Н. Экономцева, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ВСЕГО ОДИН
ИДЕАЛЬНЫЙ
ВЫСТРЕЛ

Он стоит у меня за спиной и наклоняется так близко, что я чувствую на шее его горячее дыхание.

— Делай все точно так же, как во время тренировки, — шепчет он мне на ухо. — Левую ногу вперед, правую — назад. Ты же помнишь?

Я все помню и послушно делаю левой ногой шаг назад, а правую руку вытягиваю прямо перед собой. Стараюсь одновременно зафиксировать прямую руку и расслабить локоть.

— Локоть слишком жесткий, — говорит он. — Ты напряжена. Расслабься. В тренировочном лагере ты делала это тысячи раз. Ничего нового.

Я стараюсь дышать ровно и размеренно. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Действительно, ничего нового. Но раньше это были просто тренировочные мишени. А сейчас — впервые — все по-настоящему.

— Смотри внимательно. Сейчас ты увидишь цель. Она выйдет из торгового центра на той стороне. У тебя будет около минуты, чтобы изучить движение и подпустить ее ближе. Готовься.

Я смотрю на фотографию, которую уже изучила вдоль и поперек, и перевожу взгляд на двери торго-

вого центра. Они плавно поворачиваются, выпуская несколько человек. Я узнаю ее сразу. В горле пересыхает, по спине бегут мурашки.

— Фиксируйся не на ней, а на прицеле, — шепчет он. — Дыши глубже, сейчас твоя рука, твой прицел и твоя цель станут едины И тогда медленный вдох, медленный выдох и выстрел. Видишь ее?

— Нет, — хрипло говорю я.

— Нет?! Ты что, ослепла?!

— Я не ослепла — вижу ее как на ладони. Но я не могу. — И я бессильно опускаю руку. Локоть наконец-то расслабляется.

— Что значит «не могу»? — шипит он.

— Посмотри на нее: она же совсем девчонка! Сколько ей лет? Шестнадцать? Семнадцать? Она выглядит как ребенок!

— Ты прекрасно знала, как она выглядит, когда отправлялась на задание. Тебе передали фото неделю назад.

— На фото она совсем другая, посмотри сам! — быстро шепчу я и тычу пальцем в смятую фотографию отвратительного качества, распечатанную на цветном принтере. — Эта прическа, этот макияж, платье дурацкое в воланах... Как будто на десять лет старше... А тут она просто какой-то несмышлёныш!

Джинсы с дырками на коленях, простая белая майка, темные волосы завязаны в высокий хвост, косолапит, как первоклашка. Я смотрю на невысокую девушку, которая растерянно оглядывается по сторонам, как будто не может решить, куда ей идти. Точно как первоклашка на школьной линейке, кото-

рая потерялась и ищет маму! На глаза наворачиваются слезы — в таком состоянии я не попаду в цель и с трех шагов.

— Видимо, я на это не способна. Извини.

— Ты способна. Ты самая меткая в лагере.

— Но сейчас я просто не могу! Это неправильно!

— С чего ты взяла, что знаешь, что правильно, а что — нет? Раз Он, — тут мой учитель со значением поднимает палец вверх, — решил, что так правильно, значит, так оно и есть. Это не твоего ума дела. И даже не моего. Все твои решения остались в прошлой жизни, ты же знаешь. От нас с тобой уже ничего не зависит.

Я подпрыгиваю как ужаленная.

— Как это не зависит?! Все зависит именно от того, кто стреляет. А я отказываюсь! Отказываюсь выполнять это решение.

Я скрещиваю руки на груди и упрямо поднимаю подбородок вверх.

— Послушай, — примирительно говорит он. — Ты же понимаешь, что вместо тебя придет тот, кто выполнит. Все, что ты можешь выиграть для этой девчонки, — это пара дней. Может быть, неделя. По большому счету, ничего не изменится. Что решено, то должно быть исполнено.

Он вздыхает, как будто ему самому очень тяжело стоять рядом со мной и направлять мою руку. «Направляющий» — так у нас называется его роль. Но правда ли ему тяжело? Или он давно привык и к подобным заданиям, и к таким же срывам, как у меня? Наверняка же он проходил тренинг на тему «Что делать, если в последний момент стрелок отказывает».

ся выполнять задание». Шаг первый: скажи, что от нас ничего не зависит. Шаг второй: добавь, что от судьбы не уйдешь. Шаг третий: вздохни потяжелее и продолжай убеждать... Шаг четвертый: если не удалось убедить, выстрели сам — ты-то давно привык выполнять приказы.

— Я не буду стрелять. Слышишь? Не буду! Она такая молодая, а я пушу всю ее жизнь под откос из-за какого-то дурацкого решения, которое принял Тот, кого я ни разу в глаза не видела. И может быть, не увижу.

— Ты видела его, просто не помнишь. И обязательно увидишь вновь. Послушай...

Тут он поворачивает меня лицом к себе и спиной к окну — это категорически запрещено инструкциями. Что бы ни случилось, не поворачивайся спиной к цели: потеряешь ее за пару секунд и больше не найдешь. Может быть, ему и правда непросто?

— Послушай... Что ты знаешь о ее жизни?

— Знаю, что сейчас у нее, по крайней мере, есть жизнь. А вот после того, как я выстрелю...

— После того как ты выстрелишь, для нее все изменится в один миг. Но может быть, та жизнь, которая у нее есть сейчас, никуда не годится? Может быть, она проклинает эту жизнь каждый вечер, когда ложится спать? И начинает с проклятия каждое утро, когда открывает глаза? Может, она думает, что совершенно одна в этом мире, и нет ни единой родственной души вокруг? И сейчас она оглядывается по сторонам не потому, что потерялась, а потому что мучительно ищет любое существо, на ко-

торое можно опереться? А ты хочешь оставить ее в холоде и одиночестве!

— Ну, у нее наверняка есть родители...

— Послушай, ей 17 лет, при чем здесь родители? — невесело усмехается он, а потом кладет мне руки на плечи и снова поворачивает лицом к окну. — Посмотри на нее. Да, она ребенок и несмышлениш. Но она ребенок, который отчаянно ищет любви.

Я смотрю вниз. Она замерла у выхода и нажимает на кнопки телефона. Кажется, он разрядился или завис — и она чуть не плачет от досады, потому что не знает, куда идти, а маршрут теперь не построишь. И народу вокруг совсем никого, а позади девчонки уже поворачивается стеклянная дверь, из которой вот-вот выйдет долговязый парень с длинной челкой, закрывающей один глаз. Я еще раз смотрю на смятую фотографию — он. Более удобного момента уже не будет.

Я вытягиваю руку вперед, и локоть в этот раз ведет себя как надо. Вдох и выдох, вдох и выдох, и прицел практически сливается с целью. Просто натянуть тетиву и потом отпустить. В тренировочном центре я делала это тысячи раз. Тонкая, как леска, стрела рвется вперед, без единого звука проходит сквозь сердце девчонки и вонзается в парня. Он замирает на месте. Смотрит на нее. Раскрывает рот, как будто ему не хватает воздуха. Делает к ней пару шагов, и тут она роняет телефон на асфальт. Я даже из окна вижу, как экран покрывается мелкой сеточкой трещин. Парень наклоняется, чтобы его подо-

брат, проводит пальцем по разбитому стеклу. Что-то быстро говорит девчонке, и она, уже готовая разреветься, вдруг улыбается.

— Молодец, — тихо говорит мой учитель и кладет руку мне на плечо. — Идеально сработано. Сможешь сейчас выполнить еще одно задание?

— Еще одно? Прямо здесь?

Он кивает.

— Думаю, что смогу.

Он протягивает мне еще одно смятое фото и вкладывает в руку стрелу.

— У тебя есть пара минут до следующей цели, приготовься. Вон в том окне, она пойдет от вокзала, видишь?

— Нет, — хрипло говорю я.

— Не видишь вокзала? — с насмешкой переспрашивает он.

— Вот это я уже точно не смогу сделать! Посмотри на нее! Это же бабулька! Она лет на двадцать младше мужика на фотографии! Что они будут делать вместе? Вязать носки, сидя на печке?! Где были твои глаза, когда ты выбирал это фото?

— Вообще-то, — грустно говорит он, — у меня давным-давно нет глаз. И у тебя их тоже нет, и тебе прекрасно это известно. Глаза, голоса, сердце, мурашки по коже — это все иллюзии, и с ними так сложно расставаться, правда? Ощущения тела... как мы не хотим их отпустить... Но этим двоим совсем не обязательно сидеть на печке. Они могут любить точно так же, как и другие люди, независимо от возраста и от того, есть ли у них глаза или сердце. Как ты или я.

Он поворачивает меня к себе, и тонкая, как леска, струна срывается и несется вперед, пронзая его точно там, где когда-то было сердце.

— Еще один идеальный выстрел, — говорит он. И хотя у него давно нет тела, он крепко прижимает меня к себе. — Странные ощущения, правда?

И хотя у меня тоже давно нет сердца, я чувствую, как оно сначала сжимается, а потом становится большим и легким, как детский воздушный шар.

— Ничего странного, — говорю я. — Давай подстрелим старушку вместе.

В БУТЫЛКЕ
